

«Зощенко превращает „неповествовательное“ („X, недостаточный для рассказывания“) в „неупоминабельное“ („...чрезмерный X“). Незаметное становится невыносимым... Его „смешные анекдотики“ разоблачают множество так называемых „мелких“ неудобств советской жизни. Каждая мини-сага настойчиво демонстрирует то или иное негативное явление: [следуют примеры — А. Ж.]... и как людям повсюду наступают на ноги („Душевная простота“») [8, с. 64—65].

«В контексте „гигантских шагов [вперед]“ советского общества, несколько неуверенных... шажков [персонажа] не достойны внимания. Но Зощенко именно *удостаивает* их внимания и делает это неукоснительно. В реальной жизни (в отличие от мира партийной риторики), намекает он, человек, наступивший вам на палец, является более ощутимым врагом, чем все враги социализма вместе взятые... Зощенковский сюжет напоминает предположение Ивана Карамазова о том, что вот такое случайное отдавливание ноги может навсегда атрофировать реакцию на чужую боль [следует отсылка к роману Достоевского. — А. Ж.]» [8, с. 68].

«Нога присутствует в рассказах Зощенко повсеместно, во-первых, в качестве центрального элемента сюжета, во-вторых, в качестве риторической виньетки. Нахальное наступание на пятки, как мы видели, находится в центре „Душевной простоты“...» [8, с. 86].

«„Замечаемость“ становится для Зощенко показателем событийности и повествовательности, поэтому особенно характерно, что образцовый пешеход, которому наступил на ногу рассеянный рассказчик... „Душевной простоты“, ничего не замечает и следует дальше как ни в чем не бывало... Это незамечание чего-то принципиально заметного искусно используется Зощенко в качестве мощного резервуара эффектов. Начать с того, что рассказ как раз „замечает“... этот случай... разыгрывая в свернутом виде знаменитый пешеходный поединок на Невском проспекте — бой, даваемый подпольным человеком ради того, чтобы быть замеченным... и оказаться *на равной ноге* с высокомерным офицером [следует отсылка к „Запискам из подполья“, в свою очередь отсылающим к „Что делать?“ — А. Ж.]» [8, с. 95—96].

«Беспорядок и нарушения являются тут нормой; неудивительно, что рассказчик „Душевной простоты“ так подробно распространяется о гладком, без толкотни, проходе по улице — именно это-то, а не наступание на ноги, является необычным» [9, с. 99].

Подход К. Попкин представляет собой своего рода утонченный вариант «культурно-социологического» метода. Мишенью зощенковского дискурса по-прежнему объявляется «некультурная советская действительность» с тем, однако, усовершенствованием, что все внимание уделяется теперь технике провокационного смещения нарративного фокуса на «незначительное, низкое, ноги, обувь, уличное несобывание и т. п.». Эта поправка вовсе не тривиальна, хотя и находится в общем русле культурно-социологического подхода с его постоянным интересом к сказу, отстранению и другим аспектам зощенковского стиля.

Прежде всего таким образом в литературоведческий обиход вводится новый аспект повествовательной техники, причем явно релевантный для Зощенко. Но особенно ценен тот элемент «повествовательного абсурда», который настойчиво присутствует на заднем плане рассуждений исследовательницы и столь же настойчиво ею отвергается. Действительно, заманчивость трактовать ДП как мастерское повествование ни о чем велика, как очевидна и интуитивная неприемлемость такого прочтения.

Для опровержения «абсурдной бессюжетности» рассказа К. Попкин прибегает к аргументации двух типов — структурной и интертекстуальной. *Структурный*